

Марина Рябоченко

Рассказы о Маринке

Для детей и взрослых

Марина Рябоченко
Рассказы о Маринке.
Для детей и взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23685544

ISBN 9785448502736

Аннотация

Воспоминания детства – самые теплые и трогательные страницы жизни. Веселые и грустные, забавные и поучительные они навсегда остаются в нашем сердце. «Рассказы о Маринке» – вторая книга автора. Первая – сборник рассказов «Записки из музыкального магазина».

Содержание

Где живёт Бог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Рассказы о Маринке Для детей и взрослых

Марина Рябоченко

© Марина Рябоченко, 2017

ISBN 978-5-4485-0273-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Где живёт Бог

Маринка словно прилепилась к бортику теплохода. Она еле дотягивалась подбородком до поручня и уж никак не могла вывалиться за борт, но бабушка, сидящая сзади на откидном сидении, всё равно крепко держала её за подол платяца. Вот уже минут сорок Маринка как замороженная смотрела на реку. Вода в ней была тёмно-синей, а на крошечных волнах играли солнечные блики, словно солнце засыпало веснушками не только её нос, но и волны Самары. Она намеревалась простоять так до конца дороги и поэтому обиженно надулась, когда бабушка решительно потянула её за подол и, откинув стульчик, усадила рядом на горячее и жесткое сиденье.

– Посиди хоть немного, устала тебя держать, – бабушка отёрла носовым платочком с лица пот.

Тугое сиденье слегка приподняло лёгкую девочку, оторвав её ноги от пола, и она тут же стала болтать ими.

– Вот неугомонная! Перестать дрыгать ногами, неприлично это! – уже начала сердиться бабушка.

Маринка опустила ноги, накрыла панамой лицо, прячась от жгучего солнца. Как же далеко теперь её родной городок, где остались мама и папа! До того как сесть на пристани на этот теплоход, они с бабушкой два часа тряслись в жарком автобусе, а до этого ехали на электричке... Неужели ещё

сегодня утром они были дома?

Это путешествие в деревню к своей родной сестре задумала бабушка. Она не видела её восемь лет, ровно столько, сколько было Маринке. Чтобы показать внучку во всей красе, надела на неё в дорогу всё новое: сиреневое шёлковое платье, белые носочки и белые же туфельки. Платье и туфли Маринке нравились, она вообще привыкла, что её наряжают. Но вот носки были невыносимы, потому что сильно сжимали щиколотку. Она ещё на пристани порывалась снять их, но бабушка сказала, что носить туфли на босу ногу неприлично. К тому же если новые носки не носить, то резинки на них никогда не растянутся. Пока Маринка смотрела на воду, она забыла и о носках, и о том, что они давят, а сейчас, сидя без дела, вновь почувствовала плотное кольцо вокруг ног.

– Бабушка, а мы скоро приплывём в твою Васильевку? Мне носки надоели...

– Скоро, скоро... – откликнулась бабушка.

– А ты там родилась, да?

– Да я ж тебе уже рассказывала!

– А я забыла!

Девочка, конечно, немного слукавила. Рассказ бабушки она помнила хорошо. Но с удовольствием готова была выслушать его ещё раз: многое в той далёкой жизни ей казалось чудным, непривычным и интересным. Да и сидеть просто так, без дела, было уж очень тоскливо.

– Да, родилась, – обмахиваясь платочком, коротко отве-

тила бабушка.

– И провела своё счастливое детство? – не унималась внучка.

– Разное, – нехотя откликнулась бабушка.

– А нам учительница говорила, что детство обязательно бывает счастливое!

– Молодец твоя учительница! Так и должно быть. Только шестьдесят лет назад жизнь у всех была другая. Вот ты в школу ходишь, первый класс закончила, все десять отучишься, в институт поступишь, как твои родители. А я всего четыре класса церковно-приходской школы прошла...

Маринка блаженно закрыла глаза. Она всегда так делала, когда ей читали или рассказывали что-нибудь интересное – любила рисовать, представлять себе в красках услышанное. То, что в церковно-приходской школе учили из рук вон плохо, Маринка догадывалась давно. Хотя бы потому, что, проверяя у неё уроки, бабушка, как и внучка, читала по слогам, да ещё несколько раз прошептывала слова.

– Ну, и что дальше было? – продолжала пиявить бабушку Маринка.

– Ну что было? – возмутилась забывчивостью внучки бабушка. – Четыре брата. Три сестры... Опять забудешь? Я самая младшая. Хатка родительская ма-а-ленькая, всего две комнатки, тесная для десятерых-то... Да ты и увидишь её, Мотя так и живёт в родительском доме. Дружные мы все были. Хотя, конечно, двух старших братьев я очень плохо пом-

ню – много меньше тебя была, когда забрали их на войну, а с войны они не вернулись. Да и младших мы похоронили, уже в гражданскую... Вот какое горе родителям...

Бабушка подозрительно замолчала.

– Ты про корову расскажи, – дипломатично перевела разговор на весёлое Маринка, очень боявшаяся, когда начинали плакать взрослые. – Помнишь, как ты спала?

– Уж не забыла! Это ведь первый раз было, когда меня отправили коров пасти. В шесть-то лет! Нашу Зорьку за ворота выгнали, да ещё из соседских дворов бурёнок. Тогда мы так и пасли – по очереди. Было коров шесть или семь, огромные... А я, как ты, росточком не вышла. Свою корову не боялась, а чужих испугалась маленько. Мне хворостину отец дал, так я далеко сзади коров шла, а хворостину впереди себя держала, чтоб они ко мне не приближались. Коровы-то лучше меня дорогу на поле знали, сами привели меня на пастбище. Целый день я вокруг них ходила, боялась, чтоб не разбрелись... А солнце так пекло, что у меня темно перед глазами стало. Помню, кусточки поодаль стояли, я до них добрела, думала, посижу, охолонусь. Да и заснула невзначай. А как открыла глаза – поле-то пустое! Ни одной бурёнки нету! У меня сердце упало... Вот, подумала, проворонила я стадо, нет мне дороги домой. Кто ж мне такое простит – чтоб без коровы жить? Мать мне утром картошек несколько дала, хлеба кусок. Помню, ела я этот хлеб и думала, что в последний раз. Решила остаться под кустом

умирать – так боялась домой возвращаться. Долго сидела, уж и слёзы кончились, и темнеть стало, а я всё живая и страшно мне, сил нет. Всё кажется, что волки сейчас из лесу выскочат – они ж тогда по ночам даже во дворы забежали. Закрывает глаза, чтоб не видеть ничего. Вдруг – голоса приближаются. Я в куст так и вжалась. А голоса всё ближе и ближе, слышу, отец мой, зовёт... Выскочила к нему, плачу... Ну, меня тут же той хворостиной он и выпорол – мол, коровы-то давно по дворам, а по мне мать уже глаза выплакала...

– Детей бить нельзя! – нравоучительно изрекла Маринка.

– Меня и не били! Ну, по попе отходили. Больно было, но я так обрадовалась, что меня нашли, что и не пикнула.

– А правда, что вы тогда без туфелек ходили? – девочка приоткрыла глаза и, любуясь своей обновкой, повертела ножками вправо-влево.

– Так летом и сейчас дети в селе босиком ходят. А я в твоём возрасте и слова такого не знала – туфельки!.. Валенки да черевички.

– Так это же неприлично – с грязными ногами ходить! – возмутилась Маринка.

– Ой, делов-то! – рассмеялась в ответ бабушка. – Ну что, внученька, вот и мостки наши виднеются. Приплыли!

Маринка вмиг подскочила к бортику. Вдоль берега Самары сплошной стеной стоял густой лес. Лишь впереди маячило светлое пятнышко песка, от которого тянулся в реку деревянный причал. Теплоход громко загудел, оповещая об оста-

новке. Бабушка достала из-под ног небольшой чемоданчик, внучке вручила лёгкую плетёную сумку, из которой торчала голова белокурой куклы. Из немногочисленных пассажиров только они двое готовились к высадке. Теплоход ловко пристроился к шаткому причалу, молодой матросик перебросил деревянную лесенку, перешагнув на мостки, перевёл бабушку, протянул руку девочке. Но она со страхом смотрела вниз. Тёмная вода хлюпала о борт, частая волна то поднимала, то опускала теплоход. Маринка никак не решалась ступить на дрожащую лесенку. Следующий гудок возвестил о конце остановки, и она закрыла глаза, собираясь заплакать. В эту минуту чьи-то сильные руки подхватили её и в одно мгновение переставили на зыбко дрожащий причал.

* * *

Маленький городок, в котором жила Маринка, со всех сторон обнимала степь. Высокие травы убежали до самого горизонта, и Маринке, ещё ни разу не выезжавшей далеко за пределы родного поселения, казалось, что этот живой ковёр устилает весь земной шар и возвращается опять к их городу, только с другой стороны.

Летом она с ребятами из двора часто гуляла в степи. Путь был недолгий. Стоило завернуть за угол дома, поесть шелковицы в тощей посадке, отделяющей дома от степи, – и вот она! Бескрайняя, скучно однообразная и... многоликая. На-

стоянная на солнце трава обдавала жаром и терпким, слегка горьковатым ароматом полыни и ромашки. Из густоты трав на тропинки выбегали ручейки колокольчиков, васильков, тысячелистника, скромного дикого вьюнка... Его открытые бледно-розовые чашечки предвещали ясный день, сморщенный в трубочку цветок – близкий дождь. Крики птиц, жужжание насекомых, посвист сусликов – все эти звуки говорили о том, что степной дом обитаем и густо заселён.

Ребята знали все ближайшие тропки. Они были сплошь украшены рыхлыми холмиками и изрыты норами разного калибра. Приходили по делу: на охоту за огромными чёрными мохнатыми пауками – тарантулами. Снаряжение было примитивным – высокая жестянка в авоське и несколько длинных толстых ниток, к концам которых были прикреплены шарики смолы. К норе подкрадывались тихо, чтобы не спугнуть добычу. Опускали в отверстие липкий шарик и начинали дёргать за нитку. Тарантулы были то ли ученые, то ли хитрые и на человеческие уловки легко не попадались. Ребяшня не выдерживала молчаливого ожидания, начинались разговоры, смех – можно было переходить к другой норке. Иногда охота шла быстро и удачно. Когда нитка переставала болтаться как вялая макаронина, а натягивалась, отяжеленная пленником, её быстро выдёргивали. Появившееся на свет чудище всегда вызывало общий возглас ужаса и радости. Паука бросали в жестянку и переходили к следующей норке.

Маринка была самой маленькой в компании дворовых ребяташек – не по возрасту, а по росту. Но получалось так, что жестянку с пауками поручали нести именно ей – храбрые и азартные ловцы до дрожи боялись своего улова. Она тоже обмирала от страха, банку с копошащимися пауками держала впереди себя на расстоянии вытянутой руки. Дорога к дому казалась ей бесконечной, но разве можно отказаться от важного и почетного дела? Во дворе мальчишки отбирали ношу и быстро исчезали. О дальнейшей участи тарантулов Маринка не знала и не догадывалась. Её интересовал только процесс охоты. Наверное, если бы она увидела, что мальчишки подвергают своих пленников пыткам, стала бы их яркой защитницей, не побоялась бы затеять и драку, как это не раз бывало во время охоты на ящерок. Девочке было радостно словить юркую красавицу, подержать на ладошке, посмотреть ей в глаза, полюбоваться переливами крошечных чешуек. Но далекие от сантиментов мальчишки норовили оторвать своей добыче хвост. В таких случаях Маринка не знала пощады, набрасываясь на мучителя с кулаками, криком и слезами...

И вот она впервые встретилась с лесом. Высоченные деревья, по колено заросшие кустарником, казалось, упирались верхушками в самое небо, тесно лепились друг к другу, скрывая от посторонних глаз таинственную жизнь этого дикого мира.

– Не пойду, – Маринка зашмыгала носом и потянула ба-

бушку обратно к пристани. – Там волки. Ты же сама говорила!..

– Да ладно, ну какие волки! Это раньше они тут водились, – успокаивала её бабушка и в свою очередь тянула за руку к тропинке. – Ты ещё Бабу Ягу вспомни! – попыталась развеселить внучку. – Лес не страшный. Он человеку друг. Знаешь, сколько тут ягод, грибов растёт... И потом – другой дороги всё равно нет, а теплоходик наш уплыл!

Маринка с надеждой оглянулась. Оставляя за собой ленты белых барашков, теплоход стремительно удалялся от пристани. Делать нечего – крепко ухватившись за руку бабушки, она вступила в лес. Раскидистые кроны почти не пропускали солнца. То ли от прохлады, то ли от испуга девочке стало холодно. Она вжалась в бабушкин тёплый бок и шла, испуганно поглядывая по сторонам. Широкая тропинка то бежала вперёд, то затейливо изгибалась, обходя густые заросли и топкие участки земли. Кое-где деревья словно разбегались, уступая место солнечным полянкам. Постепенно девочка успокоилась и стала различать и голос кукушки, и барабанную дробь дятла, и пение-чириканье множества неведомых ей и невидимых в листве птиц.

– Бабушка, а грибы где? Давай поищем! – расхрабрилась она.

– Грибы утром нужно искать, да и долгое это дело. Вот, ягодкой угостись, – бабушка остановилась около куста с красными ягодами. – Это лесная малина. Сладкая!

Вкусное угощение Маринка приняла как добрый знак, словно лес наконец улыбнулся ей. Теперь она скакала вприпрыжку впереди бабушки, часто останавливалась, чтобы рассмотреть цветок или поднять шишку. Каждую находку складывала в свою сумочку – в школе им дали задание сделать за лето гербарий, и Маринка уже предвкушала, как удивятся её одноклассники таким невиданным в их краях растениям.

– Тут дороги-то всего час, а мы все два идти будем, – заворчала бабушка. – Вот, даже до дуба Ленина не дошли

– А это что за дуб? – изумилась Маринка. – Почему его называли, как Ленина?

– Так в честь его и называли, – вздохнула бабушка. – Когда весть о его смерти дошла до Васильевки, сельчане, кто были по домам, на площадь высыпали. Все как один плакали... В это время несколько мужиков в лесу деревья рубили. И к ним кто-то побежал, рассказать, что такое горе случилось. А мужики как раз к этому дубу примеривались. Услышали, что Ленин умер, пилы-то и побросали, решили, что пусть хотя бы дуб в честь вождя живёт вечно. Все в округе его знают...

– Как можно, разве он в лесу один?

– Да и ты его сразу узнаешь.

И правда, вскоре чуть правее от тропинки появилась небольшая полянка, почти посередине которой стояло огромное дерево, а под ним – скамейка.

– Он, что ли? – обрадовалась Маринка.

– Он, он... Пойдём, присядем.

Бабушка достала со дна внучкиной сумки два яблока, тщательно протерла внучкины ладошки носовым платком «от дорожной пыли и грязи». Маринка с аппетитом жевала сочное яблоко и всё ходила кругами вокруг знаменитого дерева. Она многое знала о Ленине – в школе учительница рассказывала, а дома мама книжку про дедушку Ленина читала. Портрет Ленина висел у них в классе над доской, большего размера – в зале, где проходили октябратские и пионерские линейки. И хотя этот давно умерший «дедушка» никогда не был в Васильевке и даже не подозревал о существовании этого дерева, Маринке дуб казался совершенно особенным. Словно он был живым существом, со своей памятью, и какими-то невидимыми нитями был связан и с Лениным, и с тем печальным днём. Она погладила тёплую кору, сорвала несколько листиков, разыскала под дубом с десятков прошлогодних желудей – бурых, кое-где с расколотыми шляпками – и аккуратно сложила в сумку.

Задолго до появления села Маринка услышала его – по протяжному мычанию коров и яростному лаю собак. Она уже совсем осмелела и убежала по тропинке далеко вперёд бабушки. Не в силах стоять на месте, бегом же и возвращалась.

Васильевка сразу понравилась Маринке. Показалась светлой и праздничной. За цветущими палисадниками прята-

лись белоснежные хатки, почти все калитки были распахнуты, словно в каждом доме ждали гостей, под низенькими заборами вдоль всей дороги росли петунии и душистый табак.

– Здравствуйте! – улыбались, завидев путников, и дети и взрослые.

– Бабушка, так тебя все знают!

– Никто меня не знает! – улыбнулась бабушка. – Принято так – здороваться со всеми. Желать даже незнакомым людям доброго здоровья. Всегда в нашем селе так было!

Грунтовая дорога была усыпана какими-то огромными лепёшками, которые Маринка старательно обходила, боясь испачкать туфельки.

– Бабушка, что это?

– Кизяки, коровьи какашки...

– Фу! – брезгливо протянула Маринка и зажала пальчиками нос.

Васильевка оказалась большой, состоящей из двух частей – нижней и верхней. Нижняя оканчивалась у оврага крошечной площадью, на которой стояло небольшое и слегка кособокое зданьице с двумя вывесками: «Магазин» и «Почта». По деревянному мостику перешли на другую сторону оврага и стали подниматься по улице немного вверх, потом свернули направо...

Хатка бабушкиной сестры стояла в самом начале уже третьей по счету улицы. Через распахнутую, как и у всех, калитку бабушка с Маринкой вошли во двор, поставили поклажу

на скамейку около длинного стола.

– Мотя! – позвала бабушка.

Ей никто не ответил, но через несколько минут из-за дома выбежала невысокая женщина в тёмном длинном платье и резиновых калошах.

– Дора, хйба цэ ты? – кинулась она к бабушке и стала целовать её в обе щеки.

– Матвий! Будэ спаты! Дора ж с дивчинкою прыихалы! – крикнула Мотя в сторону сарая. – Красыва як куколка, – она осторожно погладила Маринку по голове.

Пока Мотя разливала по чашкам холодный квас, у стола появился и дед Матвей. Широкие его штаны и темная рубашка навыпуск были облеплены короткими соломинками. Лицо у деда было коричневым и морщинистым, волосы на голове – редкими и седыми, а брови – густыми и тёмными.

– Ну, здоровеньки булы! – расцеловал он Дору, а Маринке протянул указательный палец. Был он почти чёрным и даже на вид шершавым. Маринка с опаской пожалала его двумя пальчиками, робко ответила:

– Здравствуйте!

– Пидемо у хату! – пригласила Мотя. – Оцэ ж наши хоромы, – сказала и гордо и ласково одновременно, открывая дверь в дом.

Хатка была маленькой. Две комнатки разделялись большой печкой, между печкой и дверью было небольшое пространство наподобие прихожей. Маленькие окошки были за-

навешены белыми ажурными занавесками, дощатые полы покрыты нарядными вязаными половиками. Из мебели – кровати, шкаф, сундук, стол и два стула. Ни магнитолы с пластинками, ни книжек с картинками, ни игрушек...

Что же я буду здесь делать? – испугалась Маринка.

* * *

На следующий день после завтрака Маринка в розовом сарафане с пелериной, закрывающей плечи от жгучего солнца, белой панаме и белых нарядных босоножках осматривала усадьбу. Она уже побывала в летней кухне, в хлеву – увидела загоны для коровы Дуньки и её телёнка Борьки. Отойдя на почтительное расстояние от будки, поздоровалась с рыжей собакой Жучкой. Заглянула и в курятник. При её появлении куры тревожно захлопали крыльями, закудахтали, а петух, грозно тряся гребнем, вышел вперёд. Обиженная нелюбезной встречей, отправилась к следующему строению – небольшому теремку, притулившемуся почти к самому забору рядом с домом. Дверь теремка была закрыта на крючок. Маринка не осмелилась без спроса хозяйничать, а любопытство не давало ей идти дальше. Прильнула глазом к щелке между досками и вскоре разглядела сидящую курицу, которая, повернув голову, одним глазом так же внимательно смотрела в её сторону.

– Задавака! – вдруг услышала Маринка чей-то голос.

Она вздрогнула от неожиданности и, бросив свою шпионскую деятельность, стала озираться вокруг.

– Задавака! Задавака! – опять противно прокричал кто-то совсем рядом.

Наконец Маринка увидела, что с соседского участка на неё смотрит мальчишка. Из-за невысокого забора торчала только его голова с круглым лицом и всклокоченными волосами, очень похожая на растрепанный кочан капусты. У этого кочана были ещё и абсолютно круглые глаза, и поцарапанный нос.

– Задавака! – в который раз изрёк кочан.

Пока Маринка думала, что ответить незнакомцу и наконец открыла рот, чтобы сказать «Сам такой!», голова исчезла, словно скатилась с забора. Она сердито передёрнула плечиками и пошла дальше.

Тропинка, начинаясь от дома, делила усадьбу на две части. Справа раскинулся огород, слева – сад. Переходя от дерева к дереву, угостилась и черешней, и вишней, и абрикосами, которые показались ей куда слаще и вкуснее, чем те, что бабушка покупала в городе на рынке. Где-то с середины участок начинал убегать вниз, и на этой покатой земле росла кукуруза. За кукурузой забора уже не было. Небольшое пространство, заросшее сорной травой, отделяло Мотин участок от небольшого оврага, на дне которого журчал жидкий ручеёк. По ту сторону простирались поля, волнами поднимающиеся на небольшие холмы...

– А почему в маленьком теремке сидит одна курица и её не выпускают? – поинтересовалась за обедом Маринка.

– Наседка это, яйца высидивает, цыплята у неё будут, – ответила бабушка Дора. – Ты её не пугай, а то соскочит с гнезда, потопчет яйца.

– Не буду, – с готовностью пообещала Маринка, которой очень хотелось увидеть маленьких цыплят.

К вечеру разомлевшая от жары и безделья Маринка напоминала сонную муху. Оживилась лишь, когда бабушки стали стелить постель прямо во дворе, под стеною хатки. Побросали на землю непромокаемые плащи-дождевики, охапки сухой травы, несколько ватных одеял, а уж затем простыни, подушки...

Маринка и обрадовалась и испугалась – она ещё никогда не спала под открытым небом.

– А вдруг волки придут? А если змеи приползут?

– Да они сами людей боятся! К тому же у нас Жучка есть, охранять будет! – успокоила её бабушка Дора.

Дед Матвей, как и всегда, полез на сеновал. Чтобы внучке не было страшно, бабушки уложили её в серединку, между собою. На новом месте, под темнеющим небом заснуть было просто невозможно. Никогда она не видела такой красоты – как одна за одной зажигались в вышине звёзды, и вскоре уже всё небо было усыпано золотой россыпью. А тут ещё баба Мотя долго что-то пришептывала с закрытыми глазами, а потом вдруг стала креститься, глядя на звёзды.

– Бабушка, а Бога нет! Нам учительница в школе сказала. Верить в него – это пережиток!

– Можэ у вас в городи и нема! Чого ему там робыть? – вроде в шутку ответила Мотя. – Вам ни дождю, ни урожаю нэ трэба. А у нас томаты, картошка жухнэ. У кого ж пытатъ, колы будэ дождь?

– Дождь от круговорота воды в природе, а не от Бога! – продолжала поучать Мотю Маринка.

– Та колы там будэ цэй пэрэворот? У мэнэ увись урожай пропадэ!

– Не переворот, а круговорот, – поправила Маринка, недовольно наблюдая, как Мотя продолжает креститься. – Ну тогда скажите, где живёт этот ваш Бог? Вы его видели? Или он на какой-нибудь звезде прячется? – каверзничала она.

– А ты пошукай, можэ и найдэш, а мэни нэ трэба его бачить, – миролюбиво проговорила Мотя. – Та и чого его шукать, колы тут нэма? – Мотя ткнула кулаком себе в грудь.

– Ну, конечно, учительница права, – поддержала внучку бабушка Дора. – Какой, Мотя, Бог? Я после концлагеря ни в какого Бога не верю!

Все замолчали. Маринка тут же вспомнила, как на День Победы бабушку Дору пригласили в школу. В большом зале собрались все ученики и учителя. Бабушка рассказывала о том, как во время войны она была участницей партизанского движения, как партизаны передавали через линию

фронта сведения о немецких войсках, как однажды на явочной квартире бабушку и ещё нескольких человек накрыли полицаи... После ареста и допросов её отправили в концентрационный лагерь. Сначала Бухенвальд, потом Освенцим. Когда бабушка вспоминала о том, как фашисты издевались над беззащитными пленниками, как сотнями в день отправляли в печи на сожжение, почти все в зале плакали. Бабушка и раньше ей рассказывала, что вернулась из Освенцима совсем без волос и зубов, на её руке так и остался семизначный номер – очередь в печь. Рассказывала как-то просто, между делом, и Маринка, очень жалея бабушку, продолжала относиться к ней так же просто, без особого какого-то уважения и восхищения. Просто любила её, как каждый человек любит свою бабушку. Только тогда, в школе, она поняла, что её бабушка была настоящей героиней, и стала гордиться ею.

– Та, Дора, его йще раньше нэ було, – в сердцах вдруг сказала Мотя. – Памятуешь, як я у попа нашего у хати робыла? Усих карою Божиєю лякав, а сам от своеи попадьи до молодыци бигав. Я усэ ждала, що пид ным земля рухнэ, та прямо в ад. А ни – ничого ему не було, як блин в масле катався.

– Всё ж таки покарал его Бог, Мотя! Помнишь, когда наши село заняли, его дом первым подожгли!

– Так це ж хата горила, а вин-то с молодыцею давно сбёг.

– А как же попадья? Сгорела? – ужаснулась Маринка.

– Ни, вона с дытынами к батькам своим ушла.

– Вот сама сказала, что Бога и раньше не было, а кре-

стишься, – назидательно сказала Маринка.

– А можэ и е, – с надеждой проговорила Мотя и зевнула. – Ну, будэ балакать!

Бабушки быстро уснули, а Маринка всё вглядывалась в звёзды. Вон их сколько – маленьких и больших, ярких и еле заметных... Если Бог есть, он обязательно живёт на одной из них – а где же ещё ему жить? – и она непременно его увидит.

Ночью пошёл дождь. Маринка проснулась от отчаянного лая Жучки. Собака заливалась плачем после каждого раската грома и то выскакивала, то заскакивала в будку, громко грохоча цепью. Маринка с бабушкой Дорой стали быстро собирать постель, Мотя запиховала траву в мешок. С сеновала спустился дед, отпустил с цепи Жучку, которая стремглав кинулась в хату.

– Це ж вона грозы лякается, як мала дытына, – досадливо ворчала Мотя. – От тоби и собака...

«Ничего себе защитник от волков!» – возмутилась про себя Маринка, глядя на поскуливающую Жучку, свернувшуюся у порога в комнату.

* * *

Дождь с небольшими перерывами на солнце шёл два дня. Дед даже в такой день ушёл пасти сельское стадо, а Дора и Мотя в резиновых калошах и дождевиках то собирали яго-

ды, то возились в огороде. Маринка скучала в хате, перекладывая свою куклу Стешу с одного подоконника на другой. И сердилась на бабу Мотю, которая выпросила-таки этот переверот природы. Услышав на следующий день утром, что после завтрака бабушки идут собирать колорадских жуков, радостно встрепенулась.

– И я! Не могу больше сидеть, хочу помогать! – решительно заявила она, предвкушая интересное приключение, похожее на ловлю тарантулов.

Баба Мотя долго возилась в кладовке и выволокла на свет резиновые сапоги, вроде подходящие по размеру. Даже обутые на толстый носок, они сваливались с Маринкиных ног. Но пачкать босоножки во влажной земле было негоже. Маринка еле донесла сапоги до картофельного поля и теперь старалась двигаться как можно меньше. Ей вручили пустую стеклянную банку, которую она протягивала то одной, то другой бабушке, а те обирали с картофельной ботвы колорадских жуков. По сравнению с тарантулами они были маленькие и не страшные, но вонючие. Жуки неловко копошились на спинах друг у друга, пытаясь вылезти из банки. Маринке было немного боязно, что они выползут к ней на руки. Но пленники беспомощно скользили по гладкому стеклу и падали вниз...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.